

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ДЕСЯТКА

Сборник современной прозы и поэзии

10³

10³

10³

ВТОРОЙ ВЫПУСК

**Коллектив авторов
Георгий Янс
Великолепная десятка.
Выпуск 2: Сборник
современной прозы и поэзии**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5001393

*Великолепная десятка: Сборник современной прозы и поэзии: Москва;
2011*

Аннотация

Это уже второй сборник с таким названием. Его появление итог Второго открытого чемпионата по литературе, который проходил на сайте газеты «Московский комсомолец» в рамках проекта «Сетература» в формате футбольного первенства Европы или мира: отборочный и групповой турниры, плей-офф. В состязании приняло участие более 500 авторов из ближнего и дальнего зарубежья.

Помимо двух победителей чемпионата, была названа «десятка» поэтов и прозаиков. Именно они составили две «десятки» сборника. В третью «десятку» вошли произведения членов жюри. А все вместе, участники и судьи, составили

великолепную «десятку». В названии сборника нет никакого преувеличения. Прочитайте и убедитесь.

Содержание

Предисловие	9
Поэзия	11
Егор Мирный. Тайнозоркость и близогубость	11
Аясума	11
Переходы	12
Отмель	13
Валентина Криш. Ergo	15
«Ты видишь? Девочка. Слеплена из ребра»	15
Ergo	16
Женщина	17
«Тянуться к солнцу рыжей головой» (каштановое настроенческое)	18
Та, которая	19
«Мягкий блеск позолоты. Муаровый шелковый шарф» (под молитву колес)	20
Антон Краснощеков. Годичный цикл	22
1. Осень. Ноябрьские художества	22
2. Зима. Свидание с мёртвым Поэтом	23
3. Лето. Напоминание о неизбежной осени	25
Тим Скоренко. Три стихотворения	28
Снайпер	28
Памяти Олега Янковского	29
Конура	30

Надежда Деглин. Ветер в голове	33
В твоей рубашке	33
Несвобода	34
Потеряшка	34
Александр Ланин (Thorix). Сказки	36
Тень	36
Взрыв	36
Красная Шапочка	37
Евгения Костюкова. Любовь	42
Семья	42
Собачье	42
Анна	43
Клавдия Смирягина. Из приснившегося	45
Перевал	45
Про деда	46
Про кота	47
Саша Резина. Там высоко	49
«Это такое глупое ноу-хау»	49
Там высоко	50
Инна Олейник. А пока	52
А пока	52
Джеку-обожателю жизни	53
Джимми	54
Гуппи. Ничья	57
Недовылет	57
Чужая	58

Здравствуй...	59
Влад Васюхин. Рождественский репортаж	61
Рождественский репортаж	61
«Я проходил заросшим садом...»	62
Разговор в семействе Винздоров	63
Монолог официанта кафе «Флориан»	64
«Толстуха маялась в метро...»	64
Геннадий Антонов. ...стихи без морали...	67
...предзимье. регги...	67
...стихи без морали...	67
«Случалось многим выть сильнеей белуги...»	68
...сослагательная хотелка...	68
...а снегом март обманывает зиму...	69
...предутренность...	70
«Ну а пока что, забыв себя же...»	71
Ирина Гольцова. Единицы речи	72
«Душа моя невнятная...»	72
На концерте Ю. Кима	73
Невесомо	74
Игорь Козин. Философское	75
Баллада	75
«Вот и окончен бой»	75
Бог	78
«Две строчки срифмовал – ай, молодец!»	78
Сага	79

«Череп небесного свода...»	80
Александр Линде. Где опускается ночь	81
Где опускается ночь	81
«Закрыться четвергом от грозного вчера»	82
«Горят костров нордические свитки»	83
«Простое отражается в себя...»	84
«День сумраком хищным заколот...»	84
Наталья Малинина (Смирнова). «Бабочка.	86
Нежность. Жизнь...»	
«Бабочка. Нежность. Жизнь...»	86
Страх глубины	87
Шарф	88
Больше никогда в георгиновой роще	89
Бабочка. Нежность. Жизнь...	90
Татьяна Кузнецова. Ровесники	92
«Давай за братство в тесном мире...»	92
«Ты отбился от своей стаи...»	92
«Накапать лекарство на сахар...»	93
Вероника Сенькина. Виден берег, мужайся...	95
Что дальше, Дава...	95
Послезавтра...	96
Виден берег, мужайся...	97
Игорь Джерри Курас. Москва	98
Москва	98
1	98
2	100

3	101
«Это время потом назовут довоенным...»	103
«Так давно, будто где-то до нашей эры...»	104
Татьяна Китаева. Следующий...	105
«Жить надо дальше...»	105
«Маяте твоей места нет»	105
«Следующий шаг»	106
Проза	108
Валерий Бочков. Игра в снежки	108
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Великолепная десятка: Сборник современной прозы и поэзии

Предисловие

Главная награда

Завершился второй Открытый чемпионат России по литературе, организованный нашей газетой. В основу литературного конкурса был положен спортивный принцип. Этот формат оказался популярным и привлекательным для авторов. Об этом свидетельствует количество участников. В чемпионате приняло участие свыше 600 поэтов и прозаиков, пишущих на русском языке. А на русском языке пишут и говорят не только в России. В литературном конкурсе, который был построен по спортивному принципу, соревновались авторы из Украины, Беларуси, Молдовы, Латвии, Израиля, США, Германии, Австралии, Италии, Ирландии.

Кстати, стоит заметить, что у нашего чемпионата появились последователи. Так рижский поэт Евгений Орлов на тех же спортивных принципах провел уже два конкурса: «Кубок Балтии» и «Кубок мира». За эти кубки соревновались только поэты. В нашем чемпионате соревновались и поэты, и про-

заики.

В результате только по 32 автора в каждой номинации пробились в основную сетку чемпионата. Перед членами жюри стояла сложная задача – из многообразия примерно равных по качеству текстов выбрать и назвать лучшие. Дополнительная трудность состояла в том, что в финальной части конкурса игра шла на выбывание.

Главная награда для любого писателя – быть прочитанным. Публикации в сборнике «Великолепная десятка»-2 такую возможность предоставляет.

Поэзия

Егор Мирный. Тайнозоркость и близогубость

победитель второго Открытого чемпионата России по литературе

Аясума

у аясумы в душе серебряный камешек.
кто сегодня придёт поиграться с ним?
у кого на свитере ни единого катышка,
к камешку прикоснись.

какой приятный холодок, и аясума светится,
но это вовсе не свет, а такое проклятие,
оно ощутимее от вечера к вечеру.
аясума снимает платье.

камешек меркнет, аясума простужена,
к твоей голове приставлены довольно грубо
два её неумолимых оружия:
тайнозоркость и близогубость.

и ты всё говоришь: "аясума, не трожь. аясума, держись.
аясума, что ты страдаешь как потерпевшая?",
затачиваешь свои внутренние ножи
о камешек помутневший.

только нечего испарывать. в сердце блестит потолок,
сквозь него видно, что
никому не сбежать, никого не зарежут.
аясума, склоняясь, поправляет ослабший чулок,
занимается с тобой надеждой.

Переходы

знаешь, оливия, гладкие переходы
из пеленальных комнат в глухие воды,
где пузырится свет, облекая в пену
наше бессмертие. лопнувшие ступени,

тканевый воздух, вышитый небосводом,
скоро, оливия, только умри – и вот он,
вспоротый сизарями цветёт и дремлет.
ты ли из глаз моих вынимала землю,

ты ли мне чёрным лебедем в спину билась,
твой ли рубиновый голос горчил рябиной?
выключай, оливия, из мироздания осень.

некого тут прощать: на прощёных возят

айсберги городов и вулканы храмов.

тот, кто спасён тобой, тот смертельно ранен.

воин из памяти, бог из живого металла,

я бы остался с тобой, но меня не осталось.

Отмель

выплываешь на отмель и ждёшь рыбака,

дурака, двойника, хоть какого-то света.

море, так себе море, в четыре глотка,

фиолетовое.

небо, вот оно небо, что есть оно, что

никогда не бывало, как жизни и смерти.

на прибрежной лужайке жара, бадминтон,

бадминтонные дети.

так неслышно кричат, но кричат и о чём:

о себе, о жаре, о последней надежде;

превращаются в рой улетающих пчёл,

и ничто их не держит,

и никто им не нужен. лишь боль да пыльца,

что за болью бывает, горят безотчётно.

и уже невозможно, нельзя отрицать

сгустки жёлтого в чёрном.

и уже очевидно, что отмель твоя —
это тень божьей длани на тельце пчелином.
ты послушай, как ясно они говорят,
словно трогают глину,

ты пощупай их говор, белёный, сухой;
под язык положи, облизни, успокойся.
наугад – это нежность, на вкус – это соль,
на поверку – колосья

тишины, высоты, нелюбви, бытия,
что невинно мерцает на кончике жала.
до конечного улья не все долетят,
превратившись в пожары,
в цветы и пожары.

Валентина Криш. Ergo

Финалист второго Открытого чемпионата России по литературе

«Ты видишь? Девочка. Слеплена из ребра»

Ты видишь? Девочка. Слеплена из ребра,
но как-то наскоро, Боже. Сойдёт и так?
Как завязь липкая. Сколько того добра
летит, как ком гуттаперчи, на Твой верстак?

Как завязь – вырастет, выплетется, взойдет.
На пьедестал ли? На грех? Наугад? На спор?
Таких, из серой земли, отстреливать влёт —
любому, кто хоть немного хитёр и спор.

Таким – пластичным, пластмассовым, молодым —
любая форма по силам и по нутру.
Смотри – за окнами стелется стылый дым,
смерзаясь в небо промозглое поутру.

Смотри же: в наледи зеркала – так легка —
смеется, вертится, мается пустота.
И кружит женщина – слепо, как снег в силках.

И душит суть свою. Походя. Просто так.

Ergo

Вёдра просохли. В вёдрах таится тень
будущих ливней. Время почти в зените —
грузно жужжа, как старый больной слепень,
вьется в гречихе звёзд, заходя сердито
то ль на посадку, то ли на новый круг.
Солнце латунной брошкой лежит в сторонке.
Каждый из нас бессмысленно близорук.
Как ни стели постель, ни клади соломку,
не угадаешь. Знаешь, а жизнь течет
к старости вспять. И, кажется, это к счастью.
Фишка ведь в чем – чем дальше твое плечо,
тем больше силы нужно на каждый час мне.
Как ни крути, а правило рычага
снова соврало. Видимо, аксиомы
тоже порой ошибочны, будто шаг
в ногу со всеми. Только ответ искомый —
не/повторим.

А, ergo, и доказать
мы ничего не сможем. И, значит, надо
просто прожить себя – так, чтоб взглянув назад,
время, набрав в ведро чешуи заката,
вновь прожужжало на небе допоздна.

Женщина

*– Бог, не суди! – Ты не был
Женщиной на земле!*

М. Цветаева

В кармане – обрывки бумаги да несколько крон,
а плащик на рыбьем меху не по-зимнему тонок.
И хрупкая женщина – солнце забывший ребенок —
стучит каблучками. Пусть в городе этом сыром

покорно читают молитвы уставшие петь.
Воробышек сизый летел за ключом журавлиным,
но снова отстал. Вы протянете руку, Марина?
Он серый? Он синий? А церкви угрюмая клеть

по-прежнему рядом. Горяч и чуть-чуть бестолков,
срывается стих – бесприютен, свободен, бездомен —
И грешная женщина вверх поднимает ладони,
чтоб крошками слов накормить равнодушных богов.

«Тянуться к солнцу рыжей головой» (каштановое настроенческое)

Тянуться к солнцу рыжей головой,
ловить тепло – бездумно, как подсолнух.
Не верить в холод. Отстраненно-сонно
смотреть в окошко.
В грязно-голубой
купели неба прохудилось дно,
и за стеклянной гранью в хлопьях пенных —
усталый город. В мятой ленте Рейна
мелькнули мост, вагон и заодно
мое лицо. Осенний зябкий сплин
укрылся в вязкой темноте карманной.
По шелковистой коже каштана
струится свет. Привычно нелюдим
пустой перрон.
И, в общем-то, пора
мечтать о зимних праздниках и чуде,
писать wish-list, продумывать маршруты
и подводить итоги.
В леера
трамвайных струн уткнулся небосвод.
В тепле руки – каштановая кожа
пригрелась и (как все же мы похожи!..)
не верит в снег. Всю зиму напролет.

Та, которая

Костяшки горбятся – что там нынче? уже ноябрь?

Роняю в лето сухой остаток зерна и плевел.

Живу упрямо. Не так, чтоб верно, но где-то рядом.

Без права правки.

И то, что давит все чаще слева,

уже не страшно.

Не так, чтоб вовсе, но как-то возле.

По крыше топчутся – Феб опять колесо прошляпил.

А я /поверишь?!/ с утра проснулась нелепо-взрослой,

но все же слышу, как тот – по матушке, шепеляво —

клянёт коней.

Знаешь, мне – из глины, из хлябей зябких —

не стать Марией. И Магдалиной – никак, пожалуй.

Прогноз устойчивый. Что там солнце? Сегодня всмятку?

А мне —

из ливней, из грязи лепкой —

крушить скрижали.

И быть, пока.

На износ, ребячески, беззаветно.

И свято знать, что когда-то время начнется снова,

и та, которая будет после, стреножив ветер,

в solaris plexus пустого мира уронит слово.

«Мягкий блеск позолоты. Муаровый шелковый шарф» (под молитву колес)

Мягкий блеск позолоты. Муаровый шелковый шарф
на покатых плечах. На коленях – перчатки да веер.
За окошком купе отсиявшее солнце ржавело
и рассеянный свет был горяч и как будто шершав.
Он – безмолвен и робок.

Она – безыскусно-тиха
и немного кокетлива. "Завтра мы ходим к обедне —
помолиться за папеньку. Только бы выжил!..

Намедни

приезжала кузина. Расплакалась – от жениха,
говорит, ни словечка. Даст Бог, все вернутся к зиме.
К холодам всё закончится, правда ведь? Что ж Вы
молчите?"

Пальцы слепо метнулись в беспомощном жесте защиты
(Сохрани и спаси!) и упали...

А он не посмел

прикоснуться к руке. Промолчал. И всю ночь напролет
под молитву колес "к-хо-ло-дам-к-хо-ло-дам-все-вер-
нут-ся"

новый китель одёргивал нервно мальчишка безусый.

Было лето.

Июль.

Беспокойный семнадцатый год.

Антон Краснощеков. Годичный цикл

Финалист второго Открытого чемпионата России по литературе

1. Осень. Ноябрьские художества

По грунту цинковых белил
Он пишет сепией и сажей
И горсткой грустных персонажей
Ландшафт дворцовый населил.

Офорта монохромный лист.
Цвет лишь местами – блики, пятна.
Ноябрь – классический стилист:
Рисует скучно, но опрятно.

Плеснёт водой по площадям,
Прибавит кобальта на лица...
Пусть осень, красок не щадя,
Дождём на лица будет литься,

Пусть разольётся серый тон —
По стёклам, кровлям, тротуарам,
И вновь сойдутся все на том,
Что год опять промчался даром,

Что ждать чудес от ноября
Смешно (как, впрочем, и от мая),
Что день за днём уходят зря,
Надежды глупые ломая.

Забросив краски и тоски
Набрав с палитр на кончик кисти,
Он тем смелей кладёт мазки,
Чем день серей и неказистой.

Расплылся контур островов
В холодной уистлеровской гамме,
Лишь отраженья невских львов
Дрожат на мутной амальгаме,

И дня лишь не хватает, чтоб,
Расставив флюгера буйками,
Нырнули в зиму, как в потоп,
Дворы со вздетыми руками.

2. Зима. Свидание с мёртвым Поэтом

Здесь февраль – как октябрь на Васильевском. Ветер с залива —

Как шприцом нагнетает остывшую лимфу в каналы
Варикозной Венеции. Гид тарахтит торопливо,

Но внимают ему лишь немногие оригиналы.

Город пуст. Одинокие группки японцев и русских
Семят по Риальто – без летней губительной давки,
У Сан-Марко позируют и в разветвлениях узких
Разбредаются порознь, ища сувенирные лавки.

Зря сюда я приехал. Иль этого серого неба
Не хватало мне дома? Иль ваших дурацких бьеннале
Я не видел? Зачем в этом тусклом подобьи Эреба
Соль меня пропитала, как ветхие сваи в Канале?

Соль меня пропитала, как киль развалюхи моторной,
Что доставит меня на пологий приземистый остров:
Если взглядом его отыскать с Кампанилы соборной, —
Он едва различим, как над эллинской строчкой
апостроф.

Там я встречу Его. Он при жизни не мог и помыслить
Обо мне, для кого стал он частью раздумий привычных.
Чтоб не сбиться с пути, мне маршрут надо строго
расчислить —
В лабиринте надгробий, меж надписей иноязычных.

Вот цветник. Постою – и назад: по густым, как олифа,
Черным водам Летейским. Назад – с неизбывною грустью
—

К островам обитаемым – в сердце чужого залива,
Столь подобного ныне предзимнему Невскому устью.

3. Лето. Напоминание о неизбежной осени

Вдоль поля – бесконечными стогами,
Цепляя сапогами за стерню,
Я брёл, попутно кроя матюгами
Себя, весь мир и прочую фигню.

Лицо секло холодной, острой дрянью,
Дул ветер, как поддатый тромбонист,
А купа ив, склонив главу баранью,
Трясла, как бубном, ворохом монист.

Клубилась даль багрово-дымной мутью,
А выше – рос, сверкая и грозя,
Кошмар, подобный раковому вздутью:
Столь страшный, что и выразить нельзя.

Там Некто злой, плеснув по небу щёлок,
Вспенйл, как накипь, туч свечной нагар
И вдруг, прорвав льняной набрякший полог,
Мир смыл к чертям миллионом Ниагар.

До дачи было с полчаса иль боле.
В намокшей сумке звякало стекло.

Град тарахтел, как шарики в пинболе,
И с мокрых косм за шиворот текло.

Свой микрокосм раз в пятый с четверенек
Подъяв – в грязи по локти и – вообще,
Я брёл – грозой распятый шизофреник —
Сквозь гром и бурю, матерясь вотще.

Но сумку нёс я бережно, как раку:
Ковчег скудельный и священный дар —
И, скатываясь в глине по оврагу,
Вздымал, как стяг, – чтоб отвести удар.

В ней Цель и Смысл звенели – искупленьем
Житейских бурь и предвещали час,
Когда огонь взовьётся по поленьям,
И ты меня обложишь, горячась:

Мол, идиот я! Мол, в такую пору
Мог взять такси, а не переть сквозь лес!
Я ж – соглашусь смиренно и без спору,
Чтоб поддержать семейный политес.

И мы с тобой, о, Муза (в смысле – Муся),
Нальём себе – я водку, ты – коньяк,
И, осмелев, описывать примусь я
Свой "подвиг" – не скромней иных вояк!

Вот так всегда: мрак, свинство, климат сучий,

Бардак, Россия, смысла – ноль... но вдруг —
Душой взовьёшься, как биплан, над тучей,
И – только свет, лишь тёплый свет вокруг!

Так выпьем, друг, – за жизнь!
Другой не будет....

Тим Скоренко. Три стихотворения

Финалист второго Открытого чемпионата по литературе

Снайпер

Всё дело не в снайпере: это его работа, он просто считает погрешность и дарит свет, прицел, запах пота, и выстрел – восьмая нота, и нет ничего романтического в этом, нет. Ни капли романтики в складках небритой кожи, в измученном взгляде – страшнее всех параной, он так – на винтовку, на спуск, на прицел похожий – чудовищно сер, что сливается со стеной. Поправка на ветер, в виду горизонта – тучи, движение пальца, родная, давай, лети, он чувствует людей, как по подиуму, идущих, и смотрит на них в длиннофокусный объектив. Ребёнок ли, женщина, это не так уж важно, холодные пальцы, холодная голова, бумажный солдат не виновен, что он бумажный, хорват же виновен, к примеру, что он хорват. Все лягут в могилу, всех скосит одна перчатка, по полю пройдётся прицельный железный серп, бредущие вниз постепенно уйдут из чата: серб тоже виновен, постольку поскольку серб.

Мы вместе на крыше. Мой палец дрожит на кнопке. Я весь на пределе, поскольку ловлю момент, когда же он выстрелит, жмётся в бутылке пробка, он – главный на крыше, я – просто дивертисмент. Снимаю глаза, чуть прищуренные, так надо,

снимаю движение взгляда, изгиб плеча, ты здесь, в объективе, небритый хозяин ада, сейчас заменяющий главного палача. Ты Бог мой, мишень, ты мой хоспис, моя отравка, моё хладнокровие, снайпер, готово сдать, а я всё снимаю твоё – эксклюзивно – право прощать и наказывать, путать и расплетать. Ты в фокусе, снайпер, ты – фокусник под прицелом – с прицелом в руках, с перекрестием на зрачке, в момент фотоснимка ты перестаёшь быть телом, карающий идол на крошечном пяточке. Лишь десять секунд ты их гонишь, как мячик в лунку, по пыльной дороге в колёсных стальных гробах; модели твои – точно лица с полотен Мунка, не знают о том, кем решается их судьба.

А он говорит мне с улыбкой, снимай, фотограф, я знаю твой стиль, я журналы твои листал, я тоже умею быть умным, красивым, добрым, таким же, как все, без вживлённого в глаз креста. Но помнишь, вчера на пригорке, вон там снимал ты каких-то вояк, поедающих сыр с ножа? Я палец на кнопке держал полминуты с малым.

Но я милосердней тебя. И я не нажал.

Памяти Олега Янковского

Иду устало, сгибаясь низко, по-стариковски,
Свалившись в кресло, канал включаю и слышу плач.
Мне сообщают: сегодня умер Олег Янковский,
Барон немецкий, поэт Рылеев, дракон, трубач.

Я не смотрел половину фильмов, где он снимался,
Меня волнуют, простите, вести с других полей,
Но если роли для эрудитов уходят в массы,
То это значит, что нужно больше таких ролей.

Пред ликом смерти равны и кролики, и удавы,
Бечёвка рвётся, трещат опоры, крошится мел.
И я исчезну. Но я имею на это право,
А вот Янковский – или мне кажется? – не имел.

Конура

Лето поселилось во дворе, лето в сентябре и октябре.
Пусть бы так, но девочка осталась до зимы в собачьей конуре.
Девочка смотрела на дома, всё ждала, когда придёт зима,
но зима никак не наступала, медленно сводя дитя с ума.
Звали дети поиграть в серсо, весело крутили колесо, вкусными конфетами кормили, но она осталась в будке с псом.
Пёс был грозен, весел и умён, трюков знал без малого мильён, звали его Билли или Вилли, и его боялся почтальон.
Девочка смотрела на восход, мимо пастухи гоняли скот, мама тихо плакала у печки, папа говорил: закрой свой рот.
Девочку манила тишина, маму покрывала седина, мерно зарастала ряской речка.
А потом обрушилась война.

Серые мужчины в кителях, лица, точно влажная земля,

шли вперёд по улицам посёлка, громогласно родину хуля. Призвала, мол, родина идти, молча флягу прицепив к груди, башмаки стоптать совсем без толка, шапку потерять на полпути. А когда закончатся строи, те, кто шеи сохранит свои, по медали памятной получают за кровопролитные бои. Чёрные сверкали сапоги, были подполковники строги, над строями собирались тучи по щелчку божественной руки. Впереди несли большой портрет, лето продолжалось на дворе, на портрет смотрела исподлобья девочка в собачьей конуре. На портрете было так темно, как в ночном закрывшемся кино. Вперивши в портрет глаза холопы, мама с папой пялились в окно.

Пёс скулил, рычал, бросался вслед, молоко стояло на столе, девочка смотрела на солдата, а солдат смотрел на пистолет. Пристрелить бы, думал, к чёрту пса, шурил близорукие глаза, только строй ушёл вперёд куда-то, распустив знамёна-паруса. Тем солдатом был, признаюсь, я. У меня была своя семья – мама, папа, младшая сестрёнка, пёс, петух, корова и свинья. Я прошёл все земли до конца и поймал собой кусок свинца, три недели я ходил по кромке, только смерть простила подлеца. Я вернулся, мать поцеловал, посмотрел на старый сеновал, на конюшню, на амбар сгоревший. А отца – убили наповал. Выросла сестрёнка – хоть куда, эта замуж выйдет без труда, профиль – хоть сейчас на стенку вешай, прямо не сестрёнка, а звезда.

Только ежегодно в сентябре вспоминаю сцену: на заре

смотрит на солдат, идущих строем, девочка в собачьей конуре. Смотрит, и глаза её пусты, я боюсь подобной пустоты, мы же проходили как герои, а она предвидела кресты. Впереди несли портрет вождя, берегли от ветра и дождя, но от взгляда девочки из будки не смогли сберечь, прости, дитя. Мы тебя не поняли тогда, стрекотала в ручейке вода, на лугу светились незабудки, нам казалось: не придёт беда. Девочку убили через год. Шла чужая армия вперёд. Псу пустили в лоб покатый пулю, девочке – такую же в живот. В церкви – одинокая свеча. Хочется напиться сгоряча, в конуре пустить слезу скупую. И обнять собаку. И молчать.

Надежда Деглин. Ветер в голове

Финалист второго Открытого чемпионата России по литературе

В твоей рубашке

Вспомню голос – опять по спине мурашки!
То горю, то дрожащая, замерзаю.
Походить бы по дому в твоей рубашке,
Улыбаясь и яблоко догрызая...

Ни о чём не жалеть, без беды и быта,
Без вчера или завтра – разборы после!
Я как вешнее небо – чиста, открыта.
Про другое (других) и не помню вовсе!

Только раз!

Но не ты прочитаешь строки...
И другая в рубашке по дому бродит...
И другой меня гладит, ладошка лодкой —
Нас другие любят. И мы их, вроде...

Несвобода

Ты по-кошачьи тих, на грани слуха
шуршащие штрихи твоих шагов ...
Закрыть глаза. Поймать твой вздох у уха,
Твой в шею поцелуй... Помилуй, бог!

Ты облаком волос моих окутан,
В плен ароматов и вибраций взят,
Разбилось время градусником ртутным,
Рассыпалось и испаряет яд...

Отравлена! В руках твоих слабею,
Во власти чувств, у пропасти страстей...
Так в небо нитка отпускает змея —
И он, бессильный, бесится на ней.

Не ждать тебя, не верить – не могу я!
Хоть иногда почувствовать спиной
Пьянящее движенье поцелуя
И нить судьбы, бегущую за мной!

Потеряшка

Мокрый нос и глаза с печалинкой,

уши – шёлк, на бедре проплешина...
Ты кого не нашёл, мой маленький?
Кем собачье счастье обещано?
Хмуришь лоб, словно слов значение
для тебя – не единой песнею.
Осторожней, толкнут качелями!
Так и бродим мы, неизвестные...
Хлеб не ешь? Колбаса не куплена,
вот котлеты пожуй вчерашние.
Мы с тобою – ничьи. Беспутные.
Безнадёжные. Потеряшки мы...

Александр Ланин (Thorix). Сказки

Финалист второго Открытого чемпионата России по литературе

Тень

У тени моей, у подлинной, фигура и стать – не те,
Но все мои сны и подвиги – мазки на её холсте.
Она не плывёт по улице, цепляясь за фонари.
Она говорит без умолку (пожалуйста, говори!)

У тени моей, у истинной – ни трещинки на стене,
И нрав у неё неистовый. И много своих теней.
Она не меняет правила, не правя и не виня.
Она веселей и праведней, она красивей меня.

Стою на траве под облаком, царапиной на ключе.
Похож на неё не обликом, а даже не знаю, чем.
Она мне верна? Ещё чего! Но я у неё один.
И след от её пощёчины невидим и несводим.

Взрыв

Это было, когда подвернулась опора моста —
Заметались стада под растерянный оклик пастуший,
И топтали собак, исступлённо, до пены у рта,
И прогнулась вода под железобетонную тушей.

Генерал улыбался, сверкая подзорной трубой,
Диверсанты вели разговор о взрывчатке и бабах —
Нет резона делить направляющихся на убой
На собак и овец, да и просто на сильных и слабых.

И краснела река, не умея беду искупить,
Каменя лицом через мутную толщу забрала,
Отмывая случайную кровь от овечьих копыт
И случайную грязь от высоких сапог генерала.

То ли дело карающих лап, то ли вымытых рук —
В переключках газет затерялись догадки и враки...

Говорят, пастуху кто-то кинул спасательный круг.
Говорят, он уплыл.
На овце.
Под конвоем собаки.

Красная Шапочка

Густой и дремучий лес.
Деревья – гангстеры в чёрных пальто,

Каждое при стволе.
Здесь не удастся нарвать цветов.
Здесь, если ты упал,
Не дадут закурить, не нальют вина.
По лесу бежит тропа,
Тропой угрюмо бредёт она.

Мелко нарублен свет
В неба перевёрнутый вок.
Где-то в густой траве
Ждёт её первый волк.

Песенка тает мороженым на губах.
Волк вступает. У волка могучий бас:

– Красная Шапочка, вытри нос,
В мире не больше десятка нот.
Бабушка выпьет твоё вино,
Съест твои пирожки.
Эта тропа не приводит в Рим,
Сядь на пенёчек – поговорим.
Шарлю Перро или братьям Гримм
Не подадим строки...

Но Красная Шапочка не отдаётся волку,
Нервно смеётся, ласково треплет холку.
У неё в корзинке "Мехх" и "o.b.",
Красная Шапочка в чём-то би,
Только волку в этом немного толку.

А лес подаёт не всем,
Вертит в пальцах сосен луны пятак.
Стоит пробиться в сеть —
Скачки напряжения жгут контакт.
Все дровосеки пьют,
И это – лучшее, что в них есть.
Журавли бегут от неё на юг,
Синицы прячутся где-то здесь.

Колется сердца ёж,
Дятел стучится в кору виска.
Тоска отступает, когда поёшь
Или просто держишь себя в руках.

Волк понимает, что он – лишь одна из скук.
Волк вступает. Прямо в её тоску:

– Красная Шапочка, вытри нос.
В мире темно, потому что ночь.
Бабушка выбросит твой веноч,
Лопнет воздушный шар.
Эта тропа не ведёт назад
Сядь на пенёчек, смотри в глаза.
Ты ведь не против, я тоже за.
Значит у нас есть шанс...

Но Красная Шапочка не улыбнётся волку,
Сама расстегнёт и бросит себя на полку.

У неё в корзинке "Dugex" и тушь.
Красная Шапочка ищет ту
Девочку, хочет собрать её из осколков.

Край леса – не край земли.
Опушка, речка, бабушкин дом.
В небесные корабли
Если и верится, то с трудом.
Телу десятый год,
Остальное движется к тридцати.
Лес за спиною горд,
Что она сумела его пройти.

Горелая тень моста.
Пустота вышибалой стоит в дверях.
А слёзы остались там,
В кино. "Титаник", девятый ряд.

Это бывает, это пройдёт к утру.
Волк вступает в хижину и в игру:

– Красная Шапочка, вытри нос,
Мир не привяжешь к себе струной.
Бабушка выкатит твой Рено,
Врежется в твой Кайен.
Эта тропа не ведёт ко дну.
Я не оставлю тебя одну.
Мы говорим уже пять минут,
Стань, наконец, моей...

И Красная Шапочка честно обнимет волка,
По взрослому вскрикнет, по-детски поправит чёлку.
В клочья часов разорваны дни —
Красная Шапочка видит нить,
Но раз за разом не может найти иголку.

А лес как стоял, так и стоит – стеной,
Под шпаклёвкой листьев выбоины от пуль.
Однажды Красная Шапочка вытрет нос
И в обратный путь. Дорогой, ровной, как пульс.

Евгения Костюкова. Любовь

Финалист второго Открытого чемпионата России по литературе

Семья

На кустах – жемчужины улиток.
Детство – срез иного бытия,
где "семь я" писали только слитно,
где целебным стал словесный яд.
Дворник жизнь будил метлою звонкой,
голосили кошки вразнобой.
Пострелятам дедушка с болонкой
всё грозил забавною клюкой.
В тесной кухне бабушка и мама
пирожки с черёмухой пекли.
Ощущенье храма, но без рамок.
Память-вишня в собственной любви.

Собачье

Узнавая шаги, обнажаю клыки
и срываюсь с цепи, только хвост

выдаёт неизбежность собачьей тоски,
а мерцающих глаз купорос
на тебя
о тебе
за тебя
за тобой.

Я давно, сумасшедший мой бог,
обитаю за взлётно-нездешней чертой —
выше неба, но, всё же... у ног.

Мне зима – не зима,
мне луна – не луна.

Поминальные вьюги метут.

Ждать – единственный жребий на все времена —
неизбынно, отчаянно жду.

Что по холке потреплешь, что пнёшь – всё равно.
Звездных косточек мне не хватать.

А собачья любовь, как немое кино,
где нелепо о боли кричать.

Анна

Завывает волком неотложка.
Пахнет хлоркой, ложью и картошкой.
Постоянство здесь непостоянно.
У меня одна молитва – "Анна".

Для тебя пойду на что угодно.

Коридор больничный-змея холодный.
Пелена наркоза... лица, тени,
череда расплавленных ступеней.

Знаешь, кроха, твой братишка-ангел
верит в нас. Мы непременно, Анна,
выстоим пять месяцев до встречи.
Ужас повторения – не вечен.

Только бы тебе внутри хватило
света, соков, материнской силы.
Мартовский старик, вздохнув туманно,
в книгу жизни впишет имя – Анна.

Клавдия Смирягина. Из приснившегося

Финалист второго Открытого чемпионата России по литературе

Перевал

Попавшее в оконный переплёт,
сырое небо бьётся грудью в стену
гостиной, где безмолвно и степенно
сто лет столетник бабушкин растёт,
где ходики воркуют в тишине,
где вазочки на вязаных салфетках,
где кенар спит в накрытой пледом клетке,
присвистывая тоненько во сне.
И бабушка, вздыхая, прилегла
на круглый валик старого дивана.
В студёном ноябре темнеет рано,
и сделаны домашние дела.
И снится нашей бабушке вокзал,
прощанье на заснеженном перроне,
а после – степь, дорога, сани, кони,
и ночь, и узкий горный перевал...

.....

Её нашёл наутро старший внук,
когда принёс продукты, как обычно.
(Она с годами стала склеротична —
обычный в этом возрасте недуг).
Что дальше было, что там за дела,
не помню... помню только снег и дали,
и тёплый свет на синем перевале,
который я когда-то перешла.

Про деда

Подумаешь, каких-то двести лет —
три жизни... ну, не три, пускай четыре —
прошло с тех пор, как мой безвестный дед
любил жену, сидел хмельной в трактире,
пахал. Да-да, конечно же, пахал!
Не зря меня весной на грядки тянет.
Встав затемно под пенью петуха,
шёл к озеру с рыбацкими сетями...

.
Всё было так. Дрожит тугая нить
длиной в четыре выгоревших следа.
И мне сегодня шага не ступить,
не отозвавшись эхом песне деда.

.
Вон он – сидит у Бога на виду,
устало свесив жилистые ноги,

на облаке, как сиживал в страду
на смётанном любовно пышном стоге.
У нас одна небесная стреха,
и шар земли, катящийся по блюдцу.
А двести лет – такая чепуха,
пройдут – и не успеешь оглянуться...

Про кота

Детей у них не было, видимо, Бог не дал,
а может, не больно хотели, хотя сначала
она колыбельку частенько во сне качала.
Потом перестала. Устала. Прошли года.

.
Он стал ей и мужем, и сыном, но вышел срок,
и он не проснулся обычным осенним утром.
Она на поминках не плакала почему-то.
Друзей проводила, защёлкнув дверной замок.

.
Отчётливо зная, что утром к нему уйдёт,
легла на кровать, примостившись привычно с края.
И вспомнила вдруг, окончательно засыпая,
что завтра голодным останется рыжий кот.

.
С тех пор миновало двенадцать протяжных лет.
И кот вечерами на кухне мурлыкал звонко.
Когда схоронила кота, принесла котёнка.

Зовёт его мальчиком. Гладит.

И в сердце – свет.

Саша Резина. Там высоко

Финалист второго Открытого второго чемпионата России по литературе

«Опять, разбужена стихом, встаю...»

опять, разбужена стихом, встаю: ноль шесть– ноль три... с печалью (первым петухом), сигналившей внутри... а дальше кофе с коньяком, с туманом горький лес...опять разбужена стихом! и запахом чудес...и скажет стих: "полёт мой пей, и будешь ты не эльф, не мошка и не воробей, а многокрылый лев". и горький лес мне подсластит не солнечный коньяк, а рифма «кит» и «полетит», «рассвет-дурак» и «мрак». кровь-с молоком и смерть-с водой из долгой подземли. о ком мой стих, о ком мой злой? позли еще, позли! ведь злость как кофе в коньяке не даст мне опьянеть. и ложки кость в моей руке обглодана до «нет» – до «нет» обглодан ранний стих... я сплю почти опять, душа так-так, часы тик-тик: любовь, ноль семь-ноль пять.

«Это такое глупое ноу-хау»

это такое глупое ноу-хау:

окна сдвигают брови, а я – застыла.
в мыслях моих копается доктор хаос,
ветром стальным рассверливая затылок.
в парк прилетит, заблокирует мой «аккаунт»
между двумя березами в мокрой гуще...
культи дубов лечит лето то мхом то градом.
ЗИмы во льду хоронят живых лягушек.

глупое ноу-хау: грущу, не каюсь,
звезды роняю в воду промерзшим уткам.
космос – моя больница. мой доктор – хаос.

ночь прислоняется к нам своим лунным ухом:
бьется ли птица в березовом подреберье?...
тьма-ингалятор – от проблесков задыхаюсь...

я обещаю поправиться и не бредить
верой в рассвет и в себя.

только в хаос...

Там высоко

так неужели расставшись, мы канем?...
дождь и в москве и в аду —
время стучит каблуками о камни,
напоминая: иду.

так неужели сей фатум лелеять? —
свет во дворе и в раю,
как в домино, наши лавочки склеил
там, высоко, на краю...
Улица Горя, Потери Аллея,
смерть на земле и под ней,
время за смертью бежит, что-то бля
про «не гоните коней».
так неужели еще надо четче
волку сказать «отступись»?
красные: шапка, кровь, небо и щечки...
рано тебе, отвернись...
так неужели опять когти в клавишах:
марш похоронный в раю —
осень, пустые и мокрые лавочки
там, высоко, на краю...

Инна Олейник. А пока

Финалист второго Открытого чемпионата России по литературе

А пока

Утро с прищуром целует в веснушки. Лето.
Мама в косички вплетает тепло и ленты.
Завтрак – омлет, галеты. И сандалета
Где-то запряталась. Выбежишь босиком.
Лето не пахнет, лето благоухает
Спелой малиной, мамиными духами.
Мчишься по улице, лето в себя вдыхая.
Смотришь сквозь челку бесхитростно и легко.

Небо за крыши цепляется облаками.
Лето порывистым ветром тебя арканит.
Август кладет тебя в пасть свою пеликанью.
Скоро рябина доспеет до сочных бус.
Ну, а пока ты срываешь с соседской груши
Сладость свободы, испачкав лицо и рюши.
И, отдаваясь природе своей зверушкой,
Делаешь все по желанию – наобум.

Завтра ты станешь взрослой. За школьной партой

Тетя расскажет, что мир разделяет карта.
Что чудеса – это просто модель стандарта
Точных, доказанных опытами наук.
Ну, а пока небом дышится васильково.
Мир не разбросан, не сломлен, не забракован
Тетей с указкой и дядей в большом толковом.
Зелен, песочен, светел и большерук.

Ну, а пока ты уверена: люди – боги.
Ты еще знаешь счастливых, неодиноких.
Пыль, поднимаясь, целует босые ноги.
С каждым мгновением в жизнь открываешь дверь.
Скоро ты вырастешь, станешь чуть-чуть взрослее.
Мир тебе выставят лгущим и злым. Теплея,
Вечер весенний прошепчет, как здесь тебе я:
"Только не верь им, пожалуйста! Им не верь!"

Джеку-обожателю жизни

В полночь, Джек, небо синее, как наливной инжир,
И густое,
Густющее, словно вишневый джем.
Ночь, по полочкам звездочки разложив,
Наливается теплым джином в пустой фужер.

После двух, Джек, мне нравится слушать джаз,
Разбирать мир от башен до самых гнилых пружин.

Люди дремлют в объятиях старых цветных пижам.
Я шепчу: "Расскажите, что снится вам, Расскажи..."

Сквозь оконную раму дым вьется седым ужом.
Раскрывая окно, разрушаю его ажур.
Воздух свеж, аж колюч, впрочем, даже почти ежов.
Звезды выглядят снизу, как сладкий в горсти кунжут.

Под окном у меня, Джек, щетинится старый Джим.
Он оранжевый весь. Он, как солнце. Еще рыжей.
Он сидит до рассвета и пристально сторожит
Наши вещи сны, наши выдохи. Он блажен.

Под прицелом луны мысли движутся, словно жук,
Совершая полет и такой баджи-джамп/прыжок,
Что я вряд ли когда-нибудь это изображу,
Разве только тогда, когда перерожусь стрижом.

Ты есть ты. Я есть я. И нам незачем подражать.
Мир устал и уснул. Он широк и непостижим.
Ты сопишь, Джек, легонько подушку рукой прижав.
И мне хочется...
Хочется просто жить!

ДЖИММИ

Осень приходит в бедро целовать словами.

Джимми, давай-ка забудем, как нас сломали.
Джимми, давай-ка забудем, как те и эти
В нас с тобой умерли люди, погибли дети.

Как не хватило ни веры, ни сна, ни сил нам.
Как было солоно, как было больно сильно,
Когда в этой чертовой жизненной хирургии
Отрезались самые близкие и самые дорогие.

Джимми, давай не думать, что, может, завтра,
Нам распахнутся жуткие «двери» Сартра,
Или о том, что нас могут пометить чеково
В самой шестой и ужасной палате Чехова.

Как заставляют стонать нас, скулить и корчиться
Филипы Моррисы, Праймы, Рогани, Хортицы.
Как нас смертельно заботливо утомили
Теми продуктами дьявольской индустрии.

Джимми, а с нами Бог неизбежно был (ли?)
Джимми, давай припомним, что мы забыли:
Брось забывать любить и любить забыться!
Будем менять манеры, привычки, быт сам.

Джимми, куда ведь дальше, под нами днище.
Видишь, у нас с тобой силы на тыщи нищих?

Молчи словами, разговаривай лишь касаниями.
Руками не думай, пускай решают сами они.

К черту одежды, замаскированные под Прада.
Только обнаженному телу известна правда.
Как-то непринужденно, небрежно, просто мы
Станем наэлектризованными, как простыни.

Будем купаться в дайкири любовных стонов.
Осень замрет от страха, как будто сто нас.
Станем единым целым, сойдясь чужими.
Осень уходит прочь, замечаешь, Джимми?

Мы с тобой не умеем самбу, сумеют пальцы.
Станем счастливыми буддистами, как непальцы.
Словно мы поселились в сердце Индии. Ну, а там мы
Учимся непридуманному счастью у Гуатамы.

Джимми, у нас здесь такое оплотище штилевое!
Джимми, мы с тобой целый воин, пока нас двое,
Пока мы о любви поцелуями – не словами,
Молятся Божьи ангелы над нашими головами...

Гуппи. Ничья

Финалист второго Открытого чемпионата России по литературе

Недовылет

*"чтоб тебе родиться птицей,
надо прежде умереть."(с)*

Десятки солнц разбитого стекла,
звнящий голос. Мир, упавший на пол.
Мой кот внизу – в квадратике окна —
сидит и отрешенно лижет лапу.
Сгорают связи, рушатся мосты,
мелеют вены, мысли и колодцы.
Сквозь перистые рваные бинты
меня несет под воспаленным солнцем
за тридевять, досрочно, наобум.
Под звуки гаммы рвутся быль и небыль.
Впервые рада вылететь в трубу —
в нее в момент свернулась полость неба,
и глас трубит восход – иже еси!..
Но до-мажор завис всего в полтоне
от выхода – буксует нота си,

а глас фальшивит и летально гонит.
Не выход запасной – простой исход,
логичный, будто эхо после крика,
и небо – не вокруг, не над, не под,
оно – внутри мигает аварийкой...
Тоннель, воронка, вороны, стрижи...
Пульсация секунд, свет – ближе, ближе...
Но кто-то в белом требует: дыши!
И кто-то рядом молится: живи же!..

Крепки узлы. Тягуча пелена.
Невнятны голоса, размыты лица.
Отчетлив кот, глядящий из окна
вслед улетевшей нерожденной птице.

Чужая

Я больше не приду сюда —
ни в этот двор, ни в эти стены,
где постоянно переменны
удача, ветер и судьба,
где столько лет за кругом круг
меня вели чужие боги
и отжимали грубо соки
вращеньем будней-центрифуг,
где плющ крадется по крыльцу
и умирает у порога,

где дождь – холодный недотрога —
руки не даст, бьет по лицу,
где солнце медленно за шкаф
сползает, прячась в пыль вселенной,
и, улыбаясь лицемерно,
слепит врасплох, исподтишка,
где окна – тихая вода —
так глубоки, темны и немые...
Чужая жизнь, чужая тема.
Я больше не приду сюда.

Здравствуй...

Мы встретились. Паршивых две овцы. Два комика из
пошлой оперетты —
напившиеся августа глупцы. Две рыбины из высохшего
лета.

Настроим звук и наведем мосты. Заглавие останется в
кавычках.

Мы будем говорить до темноты о чем угодно, только не
о личном.

Изгибы улиц подчеркнет неон, и вечер будет плыть,
шуметь и петься,

а твой невозмутимый баритон – взрывать мое смеющееся
меццо...

Придут счета, дожди, осенний грипп. Над линиями Наска
древних инков

парить под солнцем будет пара рыб, считая друг у друга чешуинки.

Шершавым языком из рыбьих кож залижет время будние печали.

Но все же ты когда-нибудь уйдешь. А может, я, хвостом вильнув, отчалою.

И воздух станет сразу тяжелей, и кто-то, спотыкаясь о пороги,

где лУны абразивных фонарей шлифуют мокрых улиц водостоки,

пойдет по кнайпам, пО миру, в народ. Забьет крест-накрест зону циферблата,

отрежет дреды, чешую сорвет и забинтует тайные стигматы.

Он будет пить и осенять крестом веселую подвыпившую паству...

Но по сюжету это всё – потом.

Сейчас – вокзал, перрон, глаза и... "Здравствуй..."

Влад Васюхин.

Рождественский репортаж

Член жюри второго Открытого чемпионата России по литературе

Рождественский репортаж

У новости будет вселенский охват:
«Смотрите, к Мессии пришли три волхва!

Явились с дарами персидские маги...»
На это не жалко минут и бумаги,

звонят голоса и сливаются в хор:
«Зовут их Гаспар, Балтазар, Мельхиор...

Смотрите, вот золото, ладан и смирна...
Цари поклонились и замерли смирно...»

Реклама. «Мы снова в эфире! И лучше
расскажет об этом Иосиф Обручник».

Опять комментатора вспыхнет *cadenza* —
под светом звезды и на крике младенца.

И слушает молча планета глухая,
как дышит вертеп Его, благоухая...

24 декабря 2012

«Я проходил заросшим садом...»

Я проходил заросшим садом
в деревне тихой и чужой,
где лето подбивало сальдо
и мялась осень за межой.

Среди отяжелевших яблонь
и гроздьями висящих слив
мне говорить хотелось ямбом —
был вдохновения прилив.

За мной следили из-за ставен,
где золотых шаров стена,
и та, кем был тот сад оставлен,
и тот, кем брошена она...

20 августа 2012

Разговор в семействе Винздоров

- Чьи это задницы? Чьи это хари?
- Ах, неужели? Снова принц Гарри!

- О, папарацци, наглые твари!
Тут компромата – целый гербарий.

- Это скандально! Это пикантно!
- Лучше бы мальчик учился бельканто...

- Гадкий наш Гарри! Снова в угаре...
- Всеми заброшен, как дети в Уганде...

- Вот бы его проучила Диана...
- Да, не икона! А кто без изъяна?

- Ты посмотри-ка, важный, как барин,
рыжая бестия! Сладкий наш Гарри...

- Ну, а на мой взгляд, олух он сельский,
принц называется, Гарри Уэльский!..

- Мы его любим! Души в нем не чаем!..
И не читайте таблоид за чаем!

Монолог официанта кафе «Флориан»

Александрю Аверицу

Быть официантом на Сан-Марко!
Смазливый, легким, без усов...
Пусть кто другой одет немарко,
а я белее парусов.

Мой черный чуб набриолинен,
шикарен смокинг, но не суть...
Важнее, что поднос с "Беллини",
как Конституцию несу!

И миллион голодных женщин,
с усталых глаз сгоняя хмарь,
меня запомнили не меньше,
чем баптистерий и алтарь.

15 августа 2012

«Толстуха маялась в метро...»

Ренате Литвиновой

Толстуха маялась в метро...
И вдруг – о, боже! – балерина.
Она – толстухи половина,
а грудь – о чем базар? – зего.

По лицам пронеслась волна,
хоть не курсантская казарма:
«Какие руки! А спина!..
Ах, эта шея! Бездна шарма!..»

Толстуха, прекратив жевать,
живот втянула, пряча пончик,
и прошептала: «Вашу мать,
мне никогда такой не стать!
Она – на сцене, я – на почте».

Слониха смотрит на газель,
терзает всю ее обида:
«Ну почему я – не Жизель?
Ну почему я – не Сильфида?»

Достав из сумочки платок
и скомкав с нежностью садиста,
она соленый кипяток
направила в кусок батиста.

А балерина извлекла
отнюдь не зеркальце и пудру,
а лебединые крыла,

сведя обыденность к абсурду!

9 июля 2012

Геннадий Антонов. ... стихи без морали...

Член жюри второго Открытого чемпионата России по литературе

...предзимье. регги...

городское небритое грязно-осеннее регги
в настроенье нахохленным улицам роль и игра
дирижёром отнюдь не французский маэстро легран
но и не потерявший работу булгаковский регент
происходит публичное действие народно-трамвайно
от его обнажённости запросто и онеметь
и оглохнуть октябрьски не слыша натужную медь
ту что выдули лабухи с лысыми неголовами
грубых ветров наждак наточил по-цирюльничьи бритву
исскоблил по-парадному плечи угрюмых торжеств
внутри трубы водосточной втекает предзимняя жесьть
и готовится музыка стыть как строительный битум...

...стихи без морали...

Отстала птица, зовам вопреки,
и голос клина медленно растаял.
Канва сюжета лапотно проста, и —
узор не гладью – вкрест, да от руки...
Прожить одной всю зиму – не крюшон,
а самогон, с какого глотка сохнет.
Кричать бы ей на птичьем громко: "Ох! Нет!", —
да только к зобу крик не подошёл...
Отмёрзнут крылья, вмёрзнет в тело боль,
загонит голод мысль живую в угол...

«Случалось многим выть сильнеей белуги...»

Случалось многим выть сильнеей белуги
лишь для того,
чтоб только
быть
собой...

...сослагательная хотелка...

...сунуть голову в снег и как северный страус уснуть,
и приснить себе сон, где совсем не полярное лето

разливает росу в руки утренних трав-гарталеток,
а озёрная гладь прячет в омуте рыбу казну.
я, зажатый зимой, как заборным штакетом шенок,
дали волю бы мне, снёс бы к чёрту четыре пролёта
февраля-коротышки, и путь мой к свободе пролёт бы,
заструились ручки б, как прозрачные змеи у ног...
...от прорыва плотин до прорыва такого же – век...
чтобы век скоротать, стрелки двигать готов я руками,
но вселился в меня целлюлозный столбняк оригами —
ни часы подвести, ни поднять даже собственных век...

...а снегом март обманывает зиму...

Давай же, март, не думая, плесни
в лицо мне снег твой тёплый, ненормальный.
Он мне, как песня тысячи шарманок,
сгоняющая зимний сон с ресниц.

За песню можешь плату ты взимать.
О ней мечтает люд любого ранга!
А я согласен быть твоею Вангой,
пророча: скоро кончится зима!

И зеркала, что скрыты под шугой,
откроют вскоре нам свои владенья —
мелькнёт там Ихтиандра привиденье,
в упор посмотрит сам Ларошфуко.

Качнут солнцеворотные весы
той чашей, где насыпан ворох света,
посыплются грачи горохом с веток,
покатятся ручьи, как в масле сыр.

Такой воображения Грааль,
пока я рот на тёплый день разинул.

А снегом март – обманывает зиму.
А та ему не верит ни на грамм...

...предутренность...

Вложив монетку в ладонь печали,
ночная птица, отпев, стихает.
Отдаст швартовы
рука сухая
вселенской скорби,
и ночь отчалит.
Пройдётся красным по глади кровель
арбузно-свежий востока ломтик.
Проснутся окна.
Зевотно.
Ломко.
Прохожий первый насупит брови.
Ещё не люди, а миражи мы.

Стать кровью, плотью нас день обяжет.

«Ну а пока что, забыв себя же...»

Ну а пока что, забыв себя же,
живём в себе же, собой и живы...

Ирина Гольцова. Единицы речи

Член жюри второго Открытого чемпионата России по литературе

«**Душа моя невнятная...**»

Душа моя невнятная,
Ты друг ли мне?
Нам, пряная да мятная,
Гореть в огне.

В прозренье адском плавиться
Нам, как в смоле,
Непоправимым маяться
В бесслёзной мгле.

Зачем же, словно пленница
Большой луны,
Хранишь, душа-медведица,
Больные сны?

Зачем лететь артачишься,
Мой свет, в окно,
А тихо в клетку прячешься
Клевать пшено?

На концерте Ю. Кима

Ким по жёрдочке скакал,
Щебетал задорно,
Сцены средний пьедестал
Штурмовал проворно.
А споткнётся – не беда,
Не заметим даже.
А заметим – и тогда
Ничего не скажем.
Если сфинкс умеет петь
И скакать по веткам —
Это надо посмотреть,
Это очень редко!

Одинокие слова —
Единицы речи,
Мы бессмысленны сперва,
Мы пусты до встречи.
Он загадку задаёт
И не ждёт ответа,
А закрыв глаза, поёт,
Что ответа нету.

Невесомо

Разбуди меня в пять или в шесть.
Не сердись, если стану сердиться:
В гущу сна так отраднo осесть,
Как чайнка, как в заросли птица —
Невесомо и сладко осесть...

Как усталый глазастый птенец:
Что колючки ему – что кочевья —
Что эпохи бесславный конец —
Для него существуют деревья.
Что эпохи ему – что конец...

Игорь Козин. Философское

Член жюри второго Открытого чемпионата России по литературе

Баллада

*"Так вспыхивает свет и создается мир —
Его по-своему образовать желает
Кецалькоатль – Перо на чешуе,
Орел-Змея, Парень в небесах
и Стланье по земле".*

(Хосе Лопес Портальо)

«Вот и окончен бой»

Вот и окончен бой.
Был он жестоко скорым,
Гибель неся с собой
Воинам тем, которых

Вдовам не долго выть
Воем на этом свете
В хижинах из листвы,

Где под листьями – дети...

Солнечные блестят
Зайчики на кирасах,
Шлемах, мечах солдат
Дона Вилья-Лас-Каса.

Конкистадоров сброд,
Вырезав всю деревню,
Свой продолжать поход
Сможет в столицу древних

Храмов и пирамид
Бога Кецалькоатля...
Только вот семенит
В чёрной сутане падре.

Дону испанский поп,
Молвил смиренно: "Слушай,
Надо младенцев, чтоб
В ад не попали души,

Нам покрестить – водой
Сбрызнуть святой. Успеешь
Всех перебить потом".
– Делай. Да побыстрее!

Перекрестили их...
И – головой о камень.

Вздригнуло хоть на миг
Небо над облаками?

Или, забыв шуметь,
Синие волны море
Остановило? Нет —
Море не знает боли,

Небу неведом страх,
Кецалькоатлю – жалость.
Числящимся в богах
Каждому дали малость:

Кровь убиенных жертв
К Солнцу поднимет паром;
Время, известный лжец,
Жизнь заберёт задаром;

В Мира круговорот
Трупы, как удобренье;
Ну, а Христос возьмёт
Души, венец творенья.

А командор Лас-Кас
Взмахом руки на Запад
Молча отдаст приказ
Банде своей азартной

Дальше вперёд идти,

Чтобы судьбу и память
Где-то в конце пути
В золото переплавить...

Бог

"Всё, что не от веры, есть грех"
(Ап. Павел, Римл. XIV, 23)

"Слово изреченное есть ложь"
(Ф. Тютчев)

«Две строчки срифмовал – ай, молодец!»

Две строчки срифмовал – ай, молодец!
Осилил восемь и – великий гений.
Пусть интеллекта больше у растений,
Плевать, что вместо мозга – холодец,
Зато в стихах содержится мораль
И проповедь "Добра", "Любви" и "Бога"...

Пусть заливаётся досужий враль,
Ты лучше душу сделай недотрогой.
Ведь Бог находится совсем не там,
Куда указкой тычет проповедник,
Не в том, о чём твердят его уста

Во время затянувшейся обедни.
Лишь мимолётный след Его —
В глазах
Смеющегося радостно ребёнка,
В апрельски свежих
Тополя листьях,
В росе
С утра на паутине тонкой,
В чуть слышном свисте
Быстрых птичьих крыл,
Слегка дрожащих, воздух рассекая...
В том,
Что хоть нет возврата из могил,
Пир жизни ни на миг не затихает.

Бог не нуждается в речах (п)ослов,
О Нём везде вещающих натужно.
Ты посмотри вокруг – там ВСЁ,
Что нужно...
А уши – затвори от лживых слов.

Сага

*"И увидел я новое небо и новую землю,
ибо прежнее небо и прежняя земля миновали,
и моря уже нет"*

(Откровение Иоанна Богослова, 21:1)

«Череп небесного свода...»

череп небесного свода
накрепко землю объял
и океанские воды
словно большая змея
вкруг обездвиженной суши
плотным сомкнувшись кольцом
не отпускает и душит
труп великана наш дом
вечные спутники смерти
толпами юрких червей
ползаем роемся в тверди
общей могилы своей
втайне мечтая о чуде
что не напрасна борьба
верим
наградю будет
новая жизнь
и судьба

Александр Линде.

Где опускается ночь

Член жюри второго Открытого чемпионата России по литературе

Где опускается ночь

Где опускается ночь – зажигается свет,
время стремится к нулю обнажая ответы,
наш разговор с тишиной в этот час "тет-а-тет"
о пережитом торопит быстрее поведать.
В нем распадаются грани песчаных секунд,
что доверяют себя беспрестанному бою,
ну и пускай, лишь бы мне на бегущем веку
просто остаться и быть, просто вместе с тобою.

Где-то дымят свои дни облака городов,
произрастают сутулые волны и скалы,
но продвигаются стрелки незримых часов,
где-то опять горизонт зачинается алым.
Тянутся лентами кляксы впечатанных букв
и пробегает усмешка по рваному строю,
но так ли важно, когда произносится вслух:
"просто остаться и быть, просто вместе с тобою".

12.07–13.07.2012 г.

«Закрыться четвергом от грозного вчера»

Закрыться четвергом от грозного вчера
и величать зарницы «смелым оком»,
грядущее спешит охотника встречать
и окропить его грехи иссопом.

Подвластно февралю итоги января
перечеркнуть и начертать начало,
горящее в душе светильником, даря
путь на ладони. Радость увенчала

моления и ход, подобный колесу,
что катится, земли касаясь снова,
стремиться вверх уйти, подняться в высоту
и стать на йоту ближе к Богу Слова.

Безмолвствует закон, а вереница дней
спадает в прошлое – откуда нет возврата,
и щерится злодей, бьёт плетками страстей,
пытаясь хитростью сойти тебе за брата.

Изъяны да грехи, но есть молитва, пост,

врачающие боль. Душа-невеста
стремится к жениху, себе избрав погост,
очиститься и стать на званом месте.

11.01.2013 г.

«Горят костров нордические свитки»

Горят костров нордические свитки,
и небо тянется испить с ковша заката
былинный воздух. Ледяной напиток
гортань глотает с пламенным накатом.
Срываешь с неба огненные рифмы,
тревожишь мозг и думаешь украдкой
перелопатить согбенные мифы,
что учат жить, влекут листом тетрадным.
И прорастают древние виденья,
тревогой душу щекоча, желая
узнать, собрать поруганные звенья,
испить воды, которая живая.
Отвоевать булатом оголтелым
распавшиеся ложью околотки,
переложить воинственно и смело
слова родные, чтоб заткнули глотки
оскалы псов, что тешатся на тризне.
Тогда прольется чередой иная,
родная правда, истина, соль жизни,
укажет путь. Торжественно вздымая

над головами боевые стяги,
ударят громом молний барабаны,
в сердца вдыхая голоса отваги,
оставить дом и новым утром рано
в кулак единый все собрать дружины,
и, погрузясь на корабли, от места
отплыть тогда и где-то на чужбине
ватагой дружной хороводить дерзко.

«Простое отражается в себя...»

Простое отражается в себя
как капля, что теснится в роговице,
в ней ясность неизвестности кровится,
молчание питая и любя
произволение на тысячи веков
уставов древних и обрядов давних,
ревнивый мох наброшенный на камни
и тайну, что хранит оскал штыков.
Простое отражается в тебя.

«День сумраком хищным заколот...»

День сумраком хищным заколот,
волowieю шкурой укрыт,

не спит только гибнущий хворост,
и звездная плесень кружит.

Степь ушлая хитро таится,
дрожит частоколом костер,
мне сон в руку нагло ложится,
и грифель последний истерт.

Мой спутник уткнулся в папаху,
сопит, отвернувшись, и мне
так хочется плюхнуться с маху
в чужой до родства стороне.

Что бают ему сны пустые?
Что дарит их шаткий приют?
Кресты ли, что корни пустили,
и нас с тобой следом убьют?

А может, мерещится город,
что рухнул в чужой горизонт?
День сумраком хищным заколот,
а мне рисковать не резон.

8.03.2012 г.

Наталья Малинина (Смирнова). «Бабочка. Нежность. Жизнь...»

Член жюри второго Открытого чемпионата России по литературе

«Бабочка. Нежность. Жизнь...»

*Памяти без памяти любивших
Beethoven. "Largo Appassionato"*

Это не мой закат расплескался теперь в полнеба —
Это твои глаза мне его рисуют.
Мне бы нырнуть в него серебристой нерпой,
Так, чтобы ты меня не любил впустую.

Страшно, когда болит не в одно – в два сердца!
Брось меня, милый: это, пойми, так надо!
Мы с тобой параллельны, как эти рельсы,
Я погибаю, я – город в твоей осаде!

Ты меня подменяешь (пойми!) собою!
Ты мою тень ворующь – без тени странно!
Ты вытесняешь меня из меня – без боя!
Память о наших жизнях – сплошная рана...

“Нам, близнецам сиамским, делиться на два?!
Если душа одна, то куда ей деться?!» —
Вижу в глазах твоих ужас и боль разлада,
И заметались в клетке мои два сердца.

...Это не мой закат разметался теперь в полнеба.
Это твоя любовь для меня рисует.
Ты расплескался в нём серебристой нерпой,
И не стираю брызг по всему лицу я...

Страх глубины

Позволь мне на прощанье целовать
и греть губами знобкие ладони,
смотреть в твои глаза. Они бездонны:
я в них боюсь надолго заплывать.
В них нет материков и островов
ни одного надёжного причала...
Пока обоих нас не укачала
бескрайняя любовь без берегов;
пока шторма обыденных обид
наш парус на клочки не истрепали;
пока врасплох нас беды не застали,
пока предательство под килем не бурлит,
прости и постарайся осознать:
хроническое счастье – невозможно.
Я не хочу любовь опошлить ложью

и болью неизбежной изнурять.
...Пусть в Волге распластается закат
и наши опрокинутые лица,
и больше никогда не повторится
ни берег, ни волна, ни этот взгляд.
Вся наша нежность – скрытая тоска...
Ну отними с лица свои ладони!
Всмотрись в мои глаза – они бездонны:
в них берег не пытайся отыскать.

Шарф

"Не уйти, эту нить не порвать"
Г. Бениславская¹

Не предавай меня, не продавай
За поцелуи и бесстыдство голое:
Я модной страсти выучу букварь
И шарфик повяжу на нежном горле я.
И стану, как она, красиво лгать
И в обмороки падать безупречные,
И надо мной ты будешь хлопотать
С какими-то настойками сердечными...
А ты внимать рассудку не готов,
Когда она талантливо расплачется!

¹ Галина Бениславская – одна из женщин С. Есенина, застрелившаяся на его могиле

Как тонко маскируется в любовь
Её безбожно-нежное палачество!
Лишь простодушный медвежонок-сон,
Безгрешно прикорнувший меж двоими – и
Тебя облапивший со всех сторон,
Не верит её вычурному имени...
...Молчи, молчи, смятенно пряча взгляд.
В нём ад её ночей. До разговоров ли?!
А время пятится назад, назад, назад
И...
Красный шарф
Кружит над Айседорою.

Больше никогда в георгиновой роще

Больше никогда в георгиновой роще
Нам не препятать нехитрых кладов.
Больше никогда... Боже, как полощет
Мокрое бельё ветер в палисадах...
Больше никогда... Как вы там, родные?
В доме сиротливо толкутся тени.
Скоро будут в нём ночевать чужие.
«Больше никогда...», – горько всхлипнут сени.
...От постели маминой – тёплый запах;
Узнаваем так, словно смерти нету.
Больше никогда на нехитрый завтрак
Мне с моим братишкой не кликать деда...

Больше никогда...
Но в кудлатых лапах
Прячет сад рубашки под ваши души:
Из фланели в клеточку – это папе.
Из вельвета синего – для Андрюши.
Ну а если яблока наливного
Слышен топоток по ребристой крыше —
Это сад, как мама, из тьмы бывшего
Угостить любимых возможность ищет.

Бабочка. Нежность. Жизнь...

Встретиться нам с тобой так и не довелось.
Бабочкой шар земной вколот в земную ось.
Трепет цветастых крыл сыплет в мой сон пыльцу...
Сбился с пути? Забыл путь к моему крыльцу?
...Рыж капуцинок зов, нежен их капюшон,
Прячущий лик и лет самозабвенный сон;
...Самозабвенных зим самозабвенный звон —
Где нам с тобой двоим свадьбу назначит он?
...Бабочка на цветке, помните львиный зев?
...Были накоротке... А под крылом – посея
Ликов, что маков цвет; лютиков на ветру,
Лилий (нежнее нет)... Мудрая речь гуру,
Льющаяся рекой (лекция поутру) —
Всё не про нас с тобой... Я этот сон сотру!
...Мы – в темноте аллея. Бунина синий том.

Эй, февраль-Водолей! Где нам – метельный дом?
Где бесподобный смех – наш – звенит в унисон?
...Шапочки модный мех возле его погон...
"Хочешь моей любви, так говори, не трусь!"
...Бабочки-феврали. Крылышек тонкий хруст.
...Встретиться на Земле было нам недосуг.
Бабочка на игле – зодиакальный круг.
Не умирай, держись! Я соберу нектар!
Бабочка. Нежность. Жизнь.
...Крыльев твоих пожар.

Татьяна Кузнецова. Ровесники

Член жюри второго Открытого чемпионата России по литературе

«Давай за братство в тесном мире...»

Давай за братство в тесном мире,
за красоту весёлых дур.
Мы снова мило покурили —
гламур, братишечка, гламур.
Полночный трёп. Базар вокзала.
Неспелых душ простой удел.
И я сказала, что сказала,
а ты услышал, что хотел.
Иди к себе. Ищи в стакане
к дурной мечте обманный путь.
Герой разбрасывает камни,
а трусы строят что-нибудь.

«Ты отбился от своей стаи...»

Ты отбился от своей стаи.
Время стариться и вить гнёзда.

На тусовке ты сидишь с краю.
Быть собою вне толпы – просто.
Тихо-тихо подошёл август,
ночь беспечнее, и день ласков,
и заходит в новый дом властно
сочинённая тобой сказка.
Всё сильнее давит свод правил,
всё страшнее предстоит выбор.
Ты отбился от своей стаи,
ты доверился иным играм.
Мир большим таким ещё не был,
мир цветным таким ещё – будет.
Солнце режет пополам небо,
плавит ниточки родных судеб...

«Накапать лекарство на сахар...»

Накапать лекарство на сахар,
послушать родную попсу,
и в целях ухода от страха
напиться в девятом часу,
и ждать, что погасится ссуда
решеньем большого жлоба,
а дома немыта посуда
и пыль на экране компа.
Твой мир опрометчиво сдулся
до койки и тропки в сортир,

и лодку уродливым курсом
небесный ведет командир,
и времени снова не хватит
на вирши, друзей и семью...
Ах, как же не в лад и некстати
сколбасило душу твою.

Вероника Сенькина. Виден берег, мужайся...

Член жюри второго Открытого чемпионата России по литературе

Что дальше, Дава...

И тот не брат мне, и этот – меден.
Что дальше, Дава? Что дальше, Дава?
Одни кричали: поверьте мне де...
Другие: «Вы не имели права...»

И бился стягом рассвет над башней,
Сгущались тучи, смелели грозы.
Что дальше, Дава? Скажи, что дальше?
Хлестнет по небу кровавой розгой?

Не сахар будет и не малина.
Горчить, как клюкве – досталось веку.
И левый берег, и правый – длинен.
И неприемлем для человека.

Что дальше, Дава, какие бури?
Какие тиши нам наметелит?

И закадычный сто раз обует,
Пока заклятый окаменеет.

Послезавтра...

Послезавтра вспыхнет костер, если только дождь не пойдет.

Толпы миловидных сестер с братьями до спичек охочи.
Чирк! И содрогнется земля, и начнется новый отсчет,
Если только дождь не пойдет (если не вмешаешься,
Отче).

Видятся запястья в бинтах, слышится врачей суета
По спине мурашки – не страх, ужас леденящий – по коже.
Шарфик ли на шее? петля? Комната зарей залита...
Послезавтра вспыхнет костер, если небо плакать не сможет.

Тем, кому швартовы рубить, долго добрых снов не видать,
На ковчеге всем не уплыть, – велико количество тварей...
Если у безумных людей спички не удастся отнять,
Послезавтра вспыхнет костер, и погибнут все при пожаре.

Виден берег, мужайся...

Виден берег, мужайся, мы скоро коснемся земли,
Мы почти подчинили себе твердолобость науки,
Мы почтили молчанием тех, для кого не смогли
Стать источником смысла и стали источником скуки.

Как помочь не себе? Мы с тобой ещё те мастера...
Мой ошипанный ангел, на что мы другое годимся?
Что мы можем ещё, кроме как набирать номера
Юрких скорых и чистить от пятен смешных
далматинцев?

Что мы можем создать, кроме хаоса, кроме руин?
Наша роль никому не понятна и тем офигенна.
Выше нос, мой ошипанный ангел, ровнее рули,
Нам ещё предстоит насолить бочек пять диогенов.

Игорь Джерри Курас. Москва

Член жюри второго Открытого чемпионата России по литературе

Москва

1

Москвы не существует – это факт.
Она, как отражённый артефакт
в ста зеркалах, направленных друг к другу
вся затерялась. И, пройдя по кругу,
уже не возвратится, чтоб найти
то место, из которого уйти.

Для тех, кто видит мир со стороны —
она, как пифагоровы штаны
квадратом снаряжает каждый катет —
и вот уже не светит и не катит
ни тем, кто носит эти имена —
ни тем, кто здесь не понял ни хрена.

Ты будешь кипятиться, как дурак;
ты скажешь: "Предположим, это так.

Москвы не существует. Только ниша.
Но был ли тот, кто незаметно вышел —
воистину отчаявшись найти
то место, из которого уйти?

Вернётся он – тебя поцеловать,
ты не отпрянешь: и опять, опять
всё повторится, всё пойдёт по кругу
в ста зеркалах, направленных друг к другу.
А что Москва? Несовершенный круг.
Шестнадцатые доли. Пробный звук..."

Не кипятись, я соглашусь с тобой:
Москвы не существует – только сбой,
произошедший от её потери
в ста зеркалах, в которых даже двери
так затерялись, что и не найти
то место, из которого уйти.

Но мы-то знаем, где её искать,
когда вернётся нас поцеловать
тот, вышедший. И выданы друг другу
шестнадцатые доли сделать фугу.
И – как всегда – квадрата сторона
тем, кто опять не понял ни хрена.

Москва, я думаю о том, как ты исчезала:
таяла льдиной,
превращалась в воду,
силилась слиться
и вот – слилась
неразборчивым звуком
в фонографическом цилиндре вокзала —
звябкая, как случайная связь.

Ещё подростком, Москва, я считал тебя страшным
неправдоподобным мифом, глупой сказкой,
невероятным вздором.
Но ты набухала в вагонном окне Останкинской башней;
тянулась мрачными электричками
и бесконечным забором.

Ты была неизбежна, и я в полудрёме оконной
считал столбы твои
по дороге на юг,
по дороге к солнцу,
к счастливым лицам.

Москва-столица – ты казалась тогда многотомной
энциклопедией с прожжёнными жёлтым пустыми
страницами.

И я искренне,
искренне,
искренне
хотел увидеть хоть что-то благое
в твоих грядущих огнях,
когда, простучав километрами,
поезд, качаясь, отчаливал от станции Бологое
и отчаянно шёл к тебе
полустанками ветренными.

И теперь,
когда я пишу твоё имя на почте —
нет —
я не верю в возможность доставки даже самую малость.
Москва!
Ты не существуешь, как не существует дойчланд,
которая юбер алес.

И если твой голос иногда в телефоне
кажется мне живым дыханием сквозь бесконечные дали,
то я, всего лишь, принимаю тебя на веру,
как радугу в небе – дальтоник —
не вдаваясь в детали.

3

Где А и Б сидели на трубе

теперь ни бе ни ме ни кукареку.
Из-под воды явленный новодел
привычно переводит раком греку.
А грека, удивлённый напоказ,
уже давно потерян в переводе:
"Который час?! Скажи, который час?!"
"Последний час вигилий на исходе"
Что снится здесь тебе среди ночных
потусторонних отблесков холодных?
Как убережь тебя от сволочных
твоих сестёр и этих братьев сводных?
Крошится льдом нелепая река,
и лунный свет не истекает – мажет;
и если прилетит издалека
(как Делия босая) пух лебяжий —
что сделает? как сможет он помочь?
в каких словах найдёт он избавленье
тому над кем не полномочна ночь,
и полуночно каждое мгновенье?
Встречай его, кургузый новояз;
кидай его в навоз своих конюшен —
топчи его копытом, не боясь,
что окрик твой осмеян и ослушан.
Нет никого из них: ни А, ни Б —
глашатай новой жизни клонут в темя.
Недвижное играет на трубе
и сатанеет на морозе время.

«Это время потом назовут довоенным...»

Это время потом назовут довоенным —
будут слушать наши глупые песни, смотреть наши
пошлые сериалы
и думать, пожимая плечами: какого хрена?
чего же им всем не хватало?

А потом и сами напишут свои, ещё более глупые песенки,
сами снимут свои, ещё более пошлые и тупые ситкомы,
но тоже исчезнут в каком-нибудь новом кровавом
месиве,
в каком-нибудь новом армагеддоне.

Всё никак не заснуть: то песни поют, то протяжная взвывает
сирена,
то кровавое что-то мерцает. Он вглядывается, смотрит
сквозь небо устало
и думает: ну какого же хрена?
чего же мне не хватало?

«Так давно, будто где-то до нашей эры...»

Так давно, будто где-то до нашей эры
всё, что было до нас —
черепки, да медь;
только клёны —
древние, как шумеры —
не успели ещё отшуметь.
Я заносчив, я вспыльчив;
бываю робок,
порой, слова говорю не те.
Что поделать? —
только мойщики небоскрёбов
всегда на высоте.
Как тебе дозвониться? —
телефон твой сломан.
Что изведает слово,
когда не дотягивается рука?
Я и ты,
Ты и я:
непонятные идиомы
шумерского языка.

Татьяна Китаева. Следующий...

Администратор второго Открытого чемпионата России
по литературе
Следующий...

«Жить надо дальше...»

Жить надо дальше... времени, данного мне тобой. Только часы посеяла... И не в ладах с головой. Сердце то млеет сладко, то сериально скачет. Плачет девочка Таня... Был ведь любимым мячик.

Мячик потом найдется... Утром. Оно мудренее. Кажется, это счастье – раз от раза большее.

Жить надо дальше времени, чтобы творить удачу...

Плачет девочка Таня. Плачет – а был ли мячик?

«Маяте твоей места нет»

Маяте твоей места нет. Имя только. Гори, горе. Клин не вышибет кол осиновый.

Вуаля. Воля!

Круг замкнется, не по тебе колокольчик придверный вздрогнет.

Помнишь, ты ведь ждала уже?

Помни.

Или память тебе не впрок? Иль тепло тебе, красна девица, караулить свою любовь? Ну, а мир себе дальше вертится, жизнь идет, скоро новый год – и не сетуй на то, что горько. Это слово надо кричать.

Ты не вой только.

«Следующий шаг»

Следующий шаг. Что ты сделаешь? Пожелаешь всем счастья? Свечку подержишь за упокой души своей? Вы не единое целое – просто части. А по частям тебе намного больней.

Частности все это, ерунда, глупый лепет, бабьи притворки и выдумки, заполошность. Ты никогда не станешь Мисс Осторожность. Он никогда не полюбит любовный скрежет, как и любой другой. Ведь тебе не мило? Мало ли миль нарезалось – а толку, пане? Ты никогда не будешь любить не любимых – и от твоей любви он твоим не станет.

Следующий вдох. Дыши. И не смей замерзнуть. Он не обманывал и не творил надежды. Он не срывал с тебя в страсти твои одежды, крестик ладонь не носила – в очередь к грезам.

Следующий миг – и ты смотришь уже с истеринкой. Как же несладко привыкнуть только лишь к мысли... Он – нетво-янетво-янетво-я Америка!!! Даже если в душе его мишка гризли.

Следующий.

Проза

Валерий Бочков. Игра в снежки

Победитель второго Открытого чемпионата России по литературе

Игра в снежки

Сразу после полудня повалил такой снег, что Краснохолмский мост исчез прямо на глазах, а Устьинский едва угадывался на две трети, утонув дальним концом в белом мареве. Со стороны Таганки противоположного берега не стало видно, и неширокая река превратилась в таинственное море: сразу за гранитным парапетом темнела стывшая, подёрнутая дымкой вода, дальше она светлела, а ещё дальше просто уходила в никуда. Машины по набережной едва ползли, на ходу обрастая снежными горбами. Колёса, шурша, месили снег – казалось, что где-то рядом перешептывается целая армия. Город притих, постепенно утратил углы, став рыхлым и мягким. Цвета сперва поблекли, после пропали вовсе, превратившись в разные оттенки белого. Хотя, если пристально смотреть прямо вверх, то на небе можно различить розоватый отсвет. Так сказал Марек, ловя языком снежинки. Он стоял, запрокинув голову, широко раскрыв рот и высу-

нув язык. Мотя дурашливо хихикнул, пихнув приятеля локтём в бок. Он хватал снежинки влёт, как барбос, и никакого там розового отсвета наверху не различал. Шестой урок отменили, и приятели плелись вниз по Радищевской привычно толкаясь, лениво зубоскаля и подначивая друг друга. Марек на самом деле звали Славик Крыжановский, это был интеллигентный мальчик, высокий и бледный, с голубой жилкой на виске, в чёрном шарфе, дважды закрученном вокруг шеи и дублёной куртке из рыжей овчины. Саня Мотанкин, в кургузом драповом пальто и плешивой кроличьей ушанке, чернявый и остроглазый, запросто мог сойти за цыгана. Его, разумеется, дразнили и просто Мотей, и Тётей-Мотей, но у него было и другое, обидное прозвище, от которого он моментально зверел и дрался в кровь даже со старшеклассниками. Прозвище это было Гитлер. Классе в четвёртом Мотанкин посадил кляксу под нос и Катька Сокова воскликнула: «Ой, Мотя-то наш – вылитый Гитлер!» Мотанкин, которому Катька тогда очень нравилась, сдуру вскочил и заорал «Зиг хайль!» Через год Катьку папа-дипломат увёз в Венгрию, а неприятная кличка осталась.

Дойдя до угла телефонной станции, приятели остановились у серой трансформаторной будки с черепом и надписью «Не влезай – убьёт!» Здесь их пути разошлись. Марек сворачивал направо, он обитал в левом крыле высотки, в квартире с дубовым паркетом и подлинником Айвазовского в массивной музейной раме. Квартиру эту дали бабке Кры-

жановского – Зое Станиславовне. В юные годы она устанавливала Власть Советов где-то на Западной Украине и её лично знал полководец Ворошилов. Фотография и именная сабля подтверждали этот факт. Этажом выше жила певица Зыкина, к ней по утрам ходил баянист, тщедушный аккуратный человек с футляром, похожим на детский гроб. Когда они репетировали, баяна слышно не было вовсе, зато зыкинский голос звучал будь здоров – Марек запросто мог разобрать слова. Путь же Мотанкина от трансформаторной будки вёл вниз, прямо к набережной. Он ютился в общежитии Устьинской фабрики, где его мать, круглолицая, румяная тётка, трудилась (по ироничному совпадению) мотальщицей. Мотанкин-отец отбывал срок за вооружённый грабёж. На свадебной фотографии в деревенской раме с приклеенной мишурой Санин батя выглядел настоящим жиганом. Свет в комнату почти не попадал, два окна выходили на тротуар и фонарный столб, к которому была приделана жёлтая жестянка автобусной остановки восьмого маршрута. Окна располагались так низко, что были вечно заляпаны брызгами от проходящих мимо машин. Этажом выше жила семья мастера Хвощёва, там никто не пел, но когда Хвощёвы собачились, Мотя тоже без труда мог разобрать каждое слово.

– Ладно. Бывай, Марчелло, – Мотя снял варежку и с мужской обстоятельностью пожал руку. – Контрольная завтра.

– Мне хана, – уныло отозвался Марек, он слепил снежок и теперь, рассеянно озирался, выбирая цель.

– Может, сдерём, – без особой надежды сказал Мотя, загребая рыхлый снег в ладонь. – Вон, Кутя в тебя по уши, ты ей только свистни, даст без вопросов.

– Даст... – Марек размахнулся, бросил и промазал. Он метил в дорожный знак на обочине, но комок, едва долетев до столба, спикировал в снег, беззвучно утонув в неприметной лунке.

– Мне банан никак нельзя, – мрачно произнёс Мотя. – Мамашу в декабре Чума вызывала, сказала, будут из школы гнать, если что.

– Да ладно... – успокоил приятеля Марек. – Меня тоже тыщу раз грозили гнать.

Марек не знал, догадывался ли Мотанкин, что его из школы в любом случае отчислят. Если не в этом году, так в следующем. Если не за успеваемость, то за поведение. Что сам факт пребывания Моти в специальной школе с углублённым изучением ряда предметов на иностранном языке являлся полной несуразицей. Мотанкин зло сплюнул, слепил снежок, резко замахнулся. Снежок со смачным хрустом угодил прямо в центр знака. Это был «кирпич» на нём уже выросла белая шапка и знак напоминал красномордого казака в папахе набекрень.

– Фига! – Мотя сам изумился. – Ты видал?

– Лихо... – завистливо пробормотал Марек. До знака было никак не меньше двадцати метров. Подумав, добавил с притворным безразличием:

– Случайность.

Мотя зыркнул исподлобья, снова сплюнул – плевался он знатно, почти с той же лихостью и шиком, что Алик, атаман местной таганской шпаны.

– Случайность? А помазать слабо? «Паркер“ ставишь?

Марек писал настоящим «паркером“ с толстым стержнем, с прищепкой в виде стальной стрелы и клеймом «Made in USA“ Отступать было поздно.

– Лады! «Паркер“ против твоей финки!

– Фи-ига себе! Вшивая ручка против настоящего оружия!

Клинок из специальной стали, и до сердца достаёт!

– Сдрейфил!

– Я?!

Мотя приходил в ярость моментально, лицо у него тут же бледнело, а глаза из серых становились ярко-голубыми.

– Ну не я же, – Марек достал из внутреннего кармана «паркер“ и пощёлкал кнопкой перед Мотиной физиономией. Финка, явно тюремного изготовления, была единственным сокровищем Мотанкина, он заботился о ней, как о живой: лелеял, аккуратно точил до бритвенной остроты, полировал наборную ручку куском замши, даже сам смастерил чехол, тайком отрезав край от солдатского одеяла, под которым спал. Лишиться финки казалось немислимым. Однако, потеря лица тоже была неприемлема. Мотя, закусив губу, достал финку и бережно опустил на притоптанный снег:

– «Паркер“ на бочку!

Марек, ухмыляясь, положил ручку рядом.

Мотанкин, бледный и спокойный, слепил комок и, почти не целясь, с силой метнул. Знак звякнул консервной банкой, шапка снега беззвучно слетела в сугроб.

– Бляха-муха! – выругался Марек, а Мотя заорал и, хлопнув в ладоши, радостно сгрёб трофеи.

– Учись, Марчелло, пока я жив!

Настроение у Марека испортилось вконец. И не ручки ему было жаль, чёрт с ним, с «паркером» – батя новый привезёт. Мерзко было оттого, что какой-то Мотанкин, хмырь из общаги, ханурик, Гитлер поганый, обставил его. Обчистил по полной программе. Обчпокал, как ребёнка.

– Слышь, Мотя, – Мареку стоило огромных сил, чтоб не вlepить по счастливой физиономии Мотанкина. – А слабо на всё помазать?

Мотя не понял. Продолжая улыбаться и щёлкать «паркером» он простодушно спросил:

– Это как – на всё?

– Ну, вот, ты ставишь «паркер» и финку...

Мотя, чуя подвох, насторожился:

– А ты?

– А я ставлю Виннету...

Мотанкин перестал дышать: шанс завладеть Виннету казался просто невысказанным. Во-первых, Виннету – вождь. На нём парадный головной убор из орлиных перьев, в руку можно вставить томагавк, нож или кольт. Во-вторых, у Винне-

ту белый конь, с которого снимается сбруя и седло, к седлу крепится лассо и кобура с винчестером. В третьих...

– Слабо? – Марек, усмехаясь, скинул с плеча спортивную сумку. Взвизгнула молния, и на снег опустился Виннету на белом коне.

Искушение оказалось непреодолимым. Мотя покраснел, он снял шапку и, скомкав, сунул в карман пальто. Потом, что-то бормоча, положил под ноги пластмассовому вождю нож и «паркер» Выпрямился. Хрипло буркнул, не глядя на Марека: – Не слабо.

Снежок пролетел совсем рядом. Марек, не спеша расстегнул сумку, присел на корточки, стал сдувать снежинки с индейца и, ласково улыбаясь, поправлять сбрую и амуницию. Тихо беседуя с вождём, он не обращал на Мотю ни малейшего внимания. Тот, крепко сжав кулаки, мрачно наблюдал за счастливым. Потом, словно решившись, Мотя позвал:

– Крыжановский!

Марек, будто удивившись, что Мотя ещё тут, спросил:

– Чего тебе?

– Давай ещё раз.

– У тебя нет нифига, – снисходительно усмехнувшись, проговорил Марек.

– Я палец ставлю. Мизинец.

Марек растерялся:

– Это как?

– Ну как на зоне. Если продую – отрежу палец.

Марек недоверчиво хмыкнул, познания о тюремной жизни он почерпнул, по большей части, из «Графа Монте-Кристо» Но в целом затея показалась ему любопытной, и он вернул конника на место. Рядом с финкой и «паркером» Мотанкин насупил, потемнел лицом и действительно стал похож на Гитлера. Он скинул пальто в сугроб, зачерпнул рукой снег. Не сводя глаз с цели, он слепил снежок, замер на миг и с силой метнул.

Снежок пролетел на полметра выше знака.

Снег продолжал сыпать. Мотанкин понуро опустил руки, снежинки в его тёмных волосах не таяли и Мареку казалось, что Мотя седеет на глазах.

– Мотя... – Мотанкин молчал.

– Слышь, Мотя, – осипшим, не своим голосом позвал Марек. – Я тебя прощаю. – Тот будто не слышал, потом повернулся:

– Прощаешь? Ты что ж думаешь, Мотанкин – гнида? Мотанкин – грязь? – с пугающим спокойствием проговорил он, глядя Мареку в глаза. – Что только, вы, чистенькие, масть держать можете? – При этом «вы» он злобно кивнул в сторону высотки, островерхий силуэт которой едва проступал сквозь снежную пелену, будто мираж заколдованного замка.

Снег падал и падал. Марек видел, как губы у Моти побелели и затряслись, он видел, как Мотя наклонился, поднял финку и отбросил чехол в снег. Видел, как приятель оттопырил мизинец и приблизил лезвие к основанию пальца, слов-

но собирался откромсать сучок. Мареку стало жутко, он повернулся и побежал в сторону высотки. Ноги вязли в снегу, он поскользнулся и упал. Вскочил и помчался снова. Тут за спиной раздался вопль, пронзительный, словно забивали какое-то животное. Марек оглядываться не стал, а побежал ещё быстрее.

Палец Моте пришили. Под конец восьмого класса его всё-таки выперли из школы, а ещё через семь с половиной лет Мотанкина зарезали в пересыльной тюрьме под Владимиром.

Снег начал валить прямо с утра. Станислав Крыжановский пребывал в прекрасном настроении, он возвращался из «Плазы» где ему удалось наконец уломать Ван-Холлена и подписать контракт. Развалясь на заднем сиденье «линкольна» он дымил сигарой и глядел, как за окном мельтешат мохнатые снежинки. Прямо на глазах островерхая громадина небоскрёба Крайслера, сначала потускнела, став плоской, как декорация, а после почти исчезла. Розоватый силуэт башни со шпилем напомнил Станиславу высотку на Котельнической, где он вырос. Крыжановскому стукнуло сорок пять, к этому времени он уже не сомневался, что Господь приберёт для него специальный план и наделил невероятной интуицией. Именно чутьё подсказало Станиславу немедленно вернуться из Бельгии в Москву: он безошибочно уловил ветер перемен и из начинающего дипломата удачно трансформировался в олигарха средней руки. Именно интуиция

помогла принять решение за два года до конца века перевести все деньги в Америку и выхлопотать вид на жительство. Тогда над ним подшучивали и называли перестраховщиком. Обосновался он в Вестчестере, купив почти настоящую усадьбу с колоннами и тенистым прудом. Зачем-то завёл лошадей с конюхом, хотя верхом ездить остерегался. Зато вполне сносно научился играть в гольф. Занимался он, по его словам, торговлей со странами бывшего Союза, говоря о своём бизнесе, он делал руками неопределённые жесты, словно оглаживал что-то круглое, вроде надувного пляжного мяча. Адрес его офиса – Нью-Йорк, Бродвей, Эмпайер Стайт Билдинг, производил на соотечественников чарующее действие. На самом деле это была тесная контора из двух комнат без окон, в которой Станислав не появлялся, устраивая деловые встречи в «Распутине» или «Самоваре» у Барышникова. Наиболее достойных клиентов выгуливал в Лас-Вегасе, арендуя самолёт и пентхаус в «Белладжио» Фамилию Крыжановский здесь выговорить никто не мог: местным дельцам он представлялся как Кей-Джи, на его визитке вместо имени были выбиты золотом всего две буквы «К J» Его революционной бабке подобная вивисекция славной фамилии явно бы не понравилась, но Зоя Станиславовна уже семнадцать лет как перебралась в Новодевичий колумбарий и из-за подобных пустяков не расстраивалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.